

«Российская версия журнала «Форбс» опубликовала ежегодный рейтинг самых богатых звезд отечественного шоу-бизнеса и спорта, — парень с мускулатурой боксера прочитал вслух начало газетной статьи. — В таблице о рангах первое место, впрочем, как и год назад, заняла теннисистка Мария Шарапова — 19 миллионов долларов».

Помятый тип отвлекся от шахматной партии и буркнул:

— Не мешай думать.

Крепыш проигнорировал недовольную реплику старика. То ли с осуждением, то ли с восхищением покачал коротко стриженной головой:

— 19 миллионов долларов! Разделить на 12. Получается где-то 1,5 миллиона в месяц...

Мятый злым жестом указательного и среднего пальцев толкнул «в бой» крайнюю пешку. И ее тут же с удовольствием «съел» соперник — юноша с удивительно ясными густо-голубого цвета глаза-

ми. По-прежнему не оборачиваясь, старик бросил на полтона громче и на балл раздраженнее:

— Не сбивай.

— Если перевести на рубли... — здоровяк сдвинул брови у широкой переносицы. — Возьмем даже курс 26 к 1. Получается... Получается... 39 миллионов рублей в месяц.

Крепыш наконец замолчал, оглушенный чудовищной цифрой, таящей в себе беспредел возможностей. Однако игра уже разладилась. Мятый устало поднял голову от черно-белой, в масть жизни, доски. Мутный взгляд его буравил желтые, в грязных пятнах обои, уходил за границы присевшего на корточки августовского дня. Бледные губы чуть подрагивали. Точно старик перепроверял за атлетом правильность расчетов. Тот громко позвал:

— Инга!

В зале появилась девушка с такими же яркими, как у юного шахматиста, глазами. Красивое лицо ее сильно портила напряженность. Точно Инга пыталась утаить нехорошие мысли, но они настырно пробивались наружу.

— Тебе хватило бы миллиона рублей на день?

Явная досада сломала полные губы:

— За этим ты меня звал? Я думала, что-то случилось. У меня кастрюлька на плите.

— Женщины! — усмехнулся мятый. — Они мыслят приземленно. Для них на первом месте

то, что перед глазами, что можно потрогать, пересчитать.

Девушка слушала разглагольствования старика снисходительно.

— А тебе, Борец, советую жениться на миллионерше. Парень ты молодой, видный. Не такой, конечно, красавчик, как Алён, — мятый кивнул на голубоглазого. — Но если тебя приодеть, в плохой базарный день сойдешь за первый сорт.

— Перестаньте вы, Дядюшка, его задевать, — очень белый лоб девушки прорезала тонкая морщинка. Инга рассердилась глупо. Неприлично прямо-таки! Словно крепколобый атлет был беспомощным ребенком, нуждающимся в защите.

— Мы никого не трогали. Играли себе тихомирно. Правда, Васек? А Славик внес путаницу в наши грешные мысли байками о чужих миллионах. Я всегда говорил: хорошие деньги — ловкость рук и ума...

Девушка резко развернулась и ушла на кухню.

Молодые люди несколько смущенно переглянулись.

— Сердится. — Дядюшка сдвинул шляпу на затылок. — Женщины! А если я сделаю такой ход?

Пальцы старика затанцевали над слоном. Внимательно Дядюшка следил за реакцией соперника.

Хлопнула дверь. Стремительно вошел абсолютно лысый молодой человек. За ним нарисовался никому не знакомый тип. Хозяева замерли. Дружно они гипнотизировали незнакомца, прячущегося за широкой спиной лысого. Старик натянул шляпу на глаза и спросил:

— Это кто?

— Наш новый товарищ.

Тут же незванный гость выбрался из тени. Прошествовал на середину комнаты. Оседлал заляпанный стул:

— Влад Аверин.

Никто не представился в ответ. Неслышно вошедшая Инга замерла, прислонившись к дверному косяку.

— Он что? Уже в курсе? — Дядюшка крутанул ферзя. — Этот новый?

— Почти.

— Послушайте, ребята, вы можете рассчитывать на меня, как на себя.

Инга видела: спокойствие «этого нового» фальшивое. Он очень хочет участвовать в деле, грудью лезет в свои. Но парни упрямо игнорировали Аверина. Они не принимали его даже в разговор.

— Кто за него поручится? — проскрипел старик.

— Я, — скулы лысого затвердели. — Мы вместе служили в армии.

Молодые люди снова напряженно уставились на новичка. Один мятый продолжал гипнотизировать ферзя. Поскреб тощую шею:

— Я, конечно, уважаю тебя, Стас. Но позапрошлогодние армейские братания... это не совсем то. Время идет. Мы меняемся. Ты зря привел его сюда.

— Согласен, — Борец поиграл мускулами. — Не нравится мне задохлик.

Аверин приподнял брови. Он совсем не походил на слабака. В каждом его движении таились нешуточная физическая сила и внутренняя крепость.

— Стерпишь, — скривился Стас. — Всех остальных тоже прошу привыкать. Влад прекрасно водит машину. Он может проехать на двух колесах по краю пропасти.

— А на одном, — Ален улыбнулся новичку, — сумеешь?

— Если понадобится, и сальто на «КамАЗе» сделаю.

— Не сомневаюсь, что разобьешь ты нас образцово. В хорошую лепешку.

Взгляд атлета скользнул по газете. Парень сморгнул и очень тихо спросил:

— А какая у Нового доля?

— Шестая часть.

— От твоей? — Дядюшка ударил черную королеву, и она брякнулась на доску.

— От общей.

— Задохлик нас обворовал, — крутанул крепкой шеей Борец.

Новый напрягся, и Инга почувствовала острую неожиданную жалость. Этот мужчина просто смертельно нуждался в деньгах.

— У меня все честно, — глаза лысого подпитались холодом. — Его ведь тоже могут убить. Как и каждого из нас.

— Шестая часть! В общем так, тачку я поведу сам. Бесплатно. И на всех четырех колесах. А этого Нового я сейчас придушу, — атлет встал. — С удовольствием.

Аверин тоже поднялся:

— Что за цирк?

Покосился на девушку. Та стояла неподвижно, как большая красивая кукла.

— Когда стемнеет, прикопаю охладелый труп под грушей.

— Правильно, Борец. Руками ты думаешь хорошо.

— Да хватит вам, Дядюшка! — В голосе неожиданно вскрикнувшей девушки послышалась такая злость, что всем стало немного неловко.

Однако старик не обиделся:

— Женщины — народ эмоциональный. Что с них взять.

Лысый шагнул к девушке:

— Жара нас всех достала.

Инга закусил губу. При чем здесь температура воздуха?! Ей душно от собственных неотвязных мыслей, а не от каких-то градусов.

— Сиднем сидишь целый день, вот и заводишься, — пробурчал Борец.

— Надо уметь ждать, — Дядюшка вздохнул и двинул коня. — Выдрессировать собственное нутро — это целая наука. Уж я-то знаю: побеждает не умный и сильный, а вовремя сделавший верный ход.

Голубоглазый улыбнулся и поворотил коня:

— Ты мухлюешь, Дядюшка.

Стас достал из кармана и протянул девушке фотокамеру:

— Посмотрим снимки. Чтоб так скучно не было.

Инга направилась к громоздившемуся на письменном столе компьютеру. С экрана глупо-радостно заулыбалась женщина. Лет двадцати пяти. Носик маленький, остренький. Волосы белые, с легкой волной, до плеч. В линиях лица таится слабость.

— Напечатай нам портрет.

Принтер натужно затрещал, и из его зева вылезло черно-белое изображение блондинки. Стас прикрепил его кнопкой к стене:

— Вот она, Елена Иванова.

Присутствующие уставились на женщину с ужасающе безликим именем с тем же тяжелым интересом, как на новичка пару минут назад. Словно планировали и ей выделить некие проценты... или спровадить ярко покрашенную дурочку на тот свет.

— Ничего особенного. Да? — Борец обернулся к мужчинам.

— Эта фотография интересней, — лысый кивнул на следующий снимок. Лена Иванова прижалась напудренным носиком к бицепсу белобрысого мужика. Без сомнения, ласковое прикосновение оставило на светлом костюме предательские следы — пиджак придется отдавать в химчистку.

— С мужем? — поинтересовался Борец.

— Нет. Супруг маленький, горбатенький, в очочках. Сухонький такой дедушка 34 лет. А это дружок. Некий Константин Росс. Предприниматель. Встречаются они по средам. После обеда Иванова завозит сына матери и едет в гостиницу «Олимп».

— Выходит, супруг очкастый ей и не особо нужен. А вдруг фиглюшка не поспешит к умирающему? — забеспокоился атлет.

Новая порция напряженных взглядов на портрет улыбающейся в предвкушении запретного удовольствия женщины.

— Помчится, — лысый верил в Иванову. — Муж ее содержит. У молодого дедушки зарплата — 45 тысяч плюс сто процентов премии. Не плохо? Да?

До боли девушка сцепила пальцы. Деловой разговор мужчин раздражал. Чувство, что ее затягивает огромная воронка, усиливалось. Еще можно собраться с силами и выскочить из черной пасти. Но десятки невидимых тросов креп-

ко держат ее в старом деревянном доме, где тихо рождается беда.

— Зачем нам женщина? — неожиданно спросил Новый.

Лысый ткнул пальцем в экран:

— Иванова — главное звено.

— Я не о ней.

Ален прищурился. Борец угрожающе расправил плечи:

— Что-о-о? А я думаю: зачем нам ты?

— Успокойся, — Стас, уставший от глупой роли мирового судьи, поморщился. — Влад ляпнул, не подумав.

— Мою сестру задевают, а я должен с открытым ртом стоять?

Аверин приподнял брови: молчаливая девушка с тонкими чертами лица — сестра этого недалекого громилы? Совсем не похожи.

— Я никого не хотел обидеть. Просто мне кажется, женское дело — готовить, стирать...

— ...рожать детей, — девушка наконец разлепила губы и уставилась на Нового своими большими эмалевыми глазами.

Тот пожал плечами:

— И рожать детей.

Голос Стаса прозвучал неожиданно холодно:

— У Инги — доля. И она не уменьшится. Ясно?

В общем-то, Аверин не из-за денег начал разговор. Просто женщина в таком деле ну вроде как на корабле — плохая примета. Новый по-

дыскивал верные оправдательные слова: ему не хотелось приобретать здесь лишнего врага. Напряженная, как тетива лука, девушка казалась непредсказуемой и опасной. Назревающую ссору погасил Дядюшка:

— Время ужина. Не знаю, как у вас, а у меня желудок требует свою долю. Хе-хе. Инга, девочка, покорми нашу брехливую стаю.

— Опять эта преснятина, — буркнул Борец, густо посыпая перцем макароны с обжаренными кусочками колбасы.

Ален улыбнулся:

— Бывало у нас и хуже.

Дядюшка наконец снял шляпу, обнажив печальную плешь.

— Как у тебя кишки не загораятся.

— Ничего. Когда мы разбогатеем, — прошамкал с набитым ртом Борец, — каждый вечер в ресторане буду ужинать.

— Хм, — Дядюшка мотнул головой, поддевая вилкой подрумяненный кусочек.

— А вокруг официантки роем: «Мистер Борцов, а не хотите ли?..»

— «Месье», — поправил его Ален.

— «А не желаете ли?..»

— «...лет на двадцать пять в тюрьму?» — Дядюшка все-таки не выдержал и высказался.

— Только если с тобой на пару, — беззлобно огрызнулся атлет.

— Не каркай, — тут же скривился Николай Николаевич.

— Новый где будет спать? — спросил Ален.

Лысый рассеянно пожал плечами. Его пристальный взгляд скользил по «зашторенному» лицу Инги.

— Я бы на улице ему место отвел, — хмурясь, Борец потряс перечницу над остатками макарон. Попробовал. Скривился. Отодвинул тарелку. — Да боюсь, сбежит.

— Он и так в бегах, — пожал плечами Стас.

— По какой статье? — поинтересовался Дядюшка.

— По алиментской, — растянул губы в подобии улыбки Влад. — Стас шутит. Вижу, и вы все любите это дело.

— Иначе нельзя. — Дядюшка встал и надел шляпу. — Инга, спасибо. Все было очень вкусно.

Девушка не ответила. Повернувшись спиной к мужчинам, она принялась старательно намыывать посуду.

— Давай ко мне на веранду, — кивнул остановившемуся в нерешительности Аверину голубоглазый. — Спать, правда, на полу придется. Но я тебе свой матрас отдам. Укроешься пальто. В коридоре на вешалке возьми. Не то к утру продрогнешь. Зори уже холодные.

Влад воспользовался советом парня. Не раздеваясь, уселся на матрас. Тяжело задумался.

— Комары откуда-то налетели, — раздавался хлопок. — Жужжат скотины. Значит, ты друг Стаса?

— Мы сто лет не виделись. Недавно столкнулись случайно. И не сразу узнали друг друга. Посидели. Мне показалось, Стас не сильно изменился. — Аверин говорил медленно, тщательно подбирая слова.

— Токарь — человек.

— Это вы его так зовете?

— Ну иногда. Фамилию Токарев уменьшили просто, на иностранный манер.

— Это Дядюшка у вас клички ввел?

— Все еще раньше сложилось. Стихийно. Меня, например, Аленом ребята в школе прозвали. Говорили, я на актера похож, ну того, что «не пьет одеколон».

— Действительно, что-то есть. А Инга — настоящее имя?

— Угу.

— Она спит со Стасом?

После небольшой паузы Васек ответил:

— Вообще-то Инга — моя сестра.

— То-то я смотрю... У вас семейный подряд получается. Дядюшка тоже, наверное, из самых близких?

— Николай Николаевич — родственник дальний. Что-то такое запутанное, как в анекдоте — пятиуродно-троюродный. Он не злой старик. Только вот к Славику любит цепляться. Да тот и не обижается.

— Хороший ты парень, Васек. Но, уж извини, брат твой без руля в голове.

Голубоглазый усмехнулся снисходительно:

— Просто Славик еще молодой.

— Тебе самому-то сколько лет?

— Да я не о том, о внутреннем. Вот, к примеру, Инга. Женщина. А знаешь, какая сильная.

— И все-таки зря вы ее в это дело втянули, — фразу Аверин произнес с удовольствием: ему не нравилось философствование желторотого юнца на тему уверить, какие Борцовы необыкновенные и хорошие.

— Инга не из тех, кого можно втянуть или устранить. Она сама решения принимает. К тому ж мы с детства друг за друга держимся.

— И тоже — зря, — Влад зевнул и вытянулся на матрасе. — Братья, сестры, родители — это хорошо. Но свою жизнь надо самому строить. Действительно, кусаются кровопийцы.

— А родителей у нас нет. У матери сестра в Белгороде умерла. Она с батей на похороны поехала. Автобус с грузовиком столкнулся.

Аверин закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— И доля у нас общая.

— Да? И как же вы ее потратить планируете? — голос Нового звучал сонно.

— В Париж уедем. Купим ресторанчик. Уже и название придумали — «Дальний берег». Я как самый молодой за продуктами мотаться буду, Славик — за порядком следить, Инга — денежки считать. Хорошо, тихо, спокойно. Что еще надо человеку?

— Борец, мне кажется, быстро свою долю спустит. Погуляет пару раз на полную катушку, а потом из вас начнет баксы вытрясать.

— Славик? Да он умрет за семью.

Аверин усмехнулся. Он не верил в способность Борца умереть за кого-либо или за что-нибудь. Праздничная картинка, нарисованная Васьком, казалась кривобокой и смешной. Париж... «Дальний берег»... Ерунда! И все-таки от спокойной речи парня в душе Влада просыпалось странное щемящее чувство: то ли зависть, то ли тоска. Черт-те знает что!

— А когда деньги кончатся, грохнете особнячок Делона или парижский банк?

— Мы же не бандиты.

Аверин покрутил головой, но промолчал.

— Сейчас-то по крайней необходимости решились. Простому парню, если у него поддержки и денег нет, в России не пробиться. Славик вон с шестнадцати лет работает. Он, знаешь, как для нас старался. А толку! Шишек себе понабил. Надоела несправедливость. Токарь говорит: парни с газового участка от денег уже лопаются. А с чего у них такие зарплаты? Они что, газ этот из собственных задниц качают? Страна-то общая.

— Стаса бы в Думу. Он, кстати, что со своими деньгами делать собирается?

После заминки раздалось:

— Не знаю.

— А Дядюшка добрейший?

Новая пауза и еще одно: «Не знаю».

Аверин повернулся на бок.

— А ты?

Влад открыл глаза. Произнес неохотно:

— Попытаюсь спасти жизнь.

— Дядюшка нам все время повторяет: «Еще лет десять, и поздно будет: озлобитесь, деградируете, устанете. Спасайтесь сейчас...»

Под бубнение парня и зудение жаждущих крови комаров Новый незаметно уснул.

В окна нетерпеливо постучалось утро. Старый дом наполнился голосами, шумом воды в душе, запахом свежесваренного кофе. Несколько минут Аверин еще лежал на неудобном ложе, оглядывался. Веранда застеклена, превращена в лишнюю комнатку. Кроме железной кровати прошлого столетия, тумбочки и жесткого стула — никакой обстановки. На коричневых обоях приклеена картинка, вырезанная из какого-то глянцевого журнала: домик с черепичной крышей в объятии шпалерных роз. Справа весело зеленеет рощица. Наверное, таким представлялся Борцовым дальний берег в мечтах. Новый потянулся и неохотно встал. На кухне Борец торопливо доедал бутерброд с колбасой, оставшейся после ужина. Чувствовалось, что завтрак угнетает здоровяка своей скудостью и только надежда на будущие ресторанные радости дает ему силы сохранять равнодушный вид.

— Мы — по делам. Ты, Влад, остаешься с Ингой, — распорядился Токарь.

Борец, уже топтавшийся у двери, как большой глупый медведь, пообещал:

— Тронешь ее пальцем, я вернусь и по одному их тебе повыдергиваю.

Новый пожал плечами:

— Да нужна мне она.

Влад не хотел задеть девушку случайно вырвавшейся пренебрежительной репликой. Он думал, что Инга копается на кухне. Но Борцова стояла за его спиной. Обернувшийся Аверин прочитал в больших эмалевых глазах набравшую силу неприязнь.

Бессмысленно мужчина покружил по комнатам. Горка фаянсовых чашек в серванте, шифоньер с мутным зеркалом на дверце, старый телик, накрытый вышитой вручную салфеткой. Над диваном иконка Спасителя с бирюзовыми пронзительными глазами. Дом, строгий и чопорный, как старая дева, угнетал. Новый вышел во двор.

Зрелое солнце уже лизнуло листья яблони, склонившейся над коридором. От прятавшейся за ней кряжистой груши плыл дразнящий аромат печеных фруктов. Переспевшие плоды лежали на земле. Над истекающим соком лакомством кружили крупные бабочки. Белые и оранжевые горошины окаймляли их черные бархатные крылья. Август щедро сеял печаль.

Новый вернулся в дом. Инга с ножом в руке сидела над корзинкой с картошкой. Длинная

прядь выбилась из неопрятной прически, перечеркнула бледное лицо.

— Помочь?

Молча девушка кивнула.

— Что это будет?

— Тушеная картошка.

— Славик опять останется недовольным.

— Он любит поворчать.

Осторожно мужчина покосился на девушку. При более коротком знакомстве в ней не блеснула яркая неожиданная сторона. Тоже еще, спящая красавица! Новый уже жалел, что предложил свою помощь. Лучше было бы пообщаться со стариком теликом.

— Вы собираетесь уехать в Париж?

— Да.

В голосе ее брата, рассказывавшего о «Дальнем берегу» и прочих чудесах, звякало гораздо больше чувств.

— Неужели всерьез так и собираетесь там втроем жить? — сам не зная почему, он упорно пытался вернуть Борцовых на грешную землю.

Девушка молчала. Ее нож быстро скользил по картофелине, кожура завивалась серпантинном, падала поверх ошметков, выходявших из-под резца мужчины. Кукла заторможенная!

...— Ну что, красотка, не хочешь прокатиться? — Узкие глаза шофера ощупывают стройную фигуру девушки. Инга делает холодное отстраненное лицо глухонемой от рождения.

— Будет весело, — обещает выползающий с заднего сиденья голос.

Девушка круто поворачивает. Машина продолжает свой путь. Инга пересекает проулок. Спешит по узкой тропинке, петляющей у шоссе. Тут же, сменяя радость облегчения, раздаётся мягкое шуршание шин. Черный «Мерседес» снова равняется с аппетитной добычей. Призывно распахивается дверца:

— Садись, крошка.

Быстро девушка оглядывается — вечерняя улица пустынна. Инга судорожно вздыхает и ныряет в следующий проулок. Стремительно, так, что сердце барабанит где-то в горле, минует его. Возвращается на улицу, с которой началась охота. Тысячи ледяных иголок впиваются в тело девушки, когда за своей спиной она слышит ровный голос мотора. Снова открывается дверь:

— Давай, забирайся по-хорошему.

— Я буду первым, — поспешно бросает водитель.

Из машины высовывается рука и касается бедра девушки. Инга взвизгивает. Отскакивает. Срывается с места и несется вперед. Машина едет рядом. Преследователи лениво переговариваются и посмеиваются, получая от гона кайф.

Впереди показывается дом. Девушка кричит отчаянно:

— Слава-а! Славик!

Троица хохочет. Водитель виляет влево. Секунду назад Инге казалось: еще шаг — и она упадет бессильно и обреченно. Но сейчас, подстегнутая ужасом предстоящего, Борцова несется еще быстрее. Повиснув на калитке, взвизгивает:

— Слава!

По двору, низко наклонив голову, бежит брат. Он налетает на приготовившихся к драке подонков, как бык. Не ожидавшие такого напора преследователи отступают, однако через несколько минут собираются. Оглушительно звучат чавкающие удары и ругань. Инга закусывает губу и вскакивает на спину желавшему быть первым, впивается ногтями в потную красную морду. Водитель хрипит: «Мать твою!» — крутится на месте, пытаюсь сбросить девчонку.

На площадку выскакивает Васька. Кидается на помощь брату. Мальчишку отшвыривают в сторону, как щенка. Молча, не вытирая разбитую в кровь губу, он выхватывает из штaketника держащуюся на одном гвозде палку. Изо всех своих слабых сил бьет по спине крайнего нападающего на Славика. Гнилая палка, крякнув, ломается.

— Ми-ли-ци-я! Ми-ли-ци-я! — соседка, прячась за забором, исходит криком. — Сейчас, сейчас...

Парни переглядываются и заскакивают в «Мерседес».

— ... вызову! Никакого покою от этих Борцовых. Преступники растут! По ним уже сейчас тюрьма взахлеб голосит...

Обняв себя руками, Инга сидит на траве и горько плачет. От несправедливых слов соседки, от жалости к себе, от пронзительного предчувствия: если кто-то не придет им вскоре на помощь, предсказание злой тетки сбудется...

— Все закончится хорошо?

Вопрос вклинился в загустевшую тишину неожиданно. Новый проямлил:

— Надеюсь. План хороший.

Инга замерла над картофелиной. Неужели она не имеет права на кусочек счастья? Ей и надо-то совсем немного: чтобы у них был свой дом, хорошая работа, не холодящее страхом завтра.

— Хватит, наверное, чистить.

— Да.

С ожесточением Инга принялась мыть картошку под краном. План хороший. Все так говорят. Но, возможно, он только кажется им таким отсюда, из тихого дома под старой грушей. Острия недостатков вспорют его потом, когда в свои права вступит страшное слово «поздно». Инга взяла голубую однолитровую кастрюльку. Уставилась на нее невидящим взглядом.

— Пожалуй, маловата, — подал голос Аверин.

Девушка уже не нуждалась в помощниках. Однако он не уходил, беспризорно топтался у ко-

сяка, ожидая сам не зная чего. Борцова сунула кастрюльку в шкаф. Достала другую. Поставила картошку на медленный огонь и с плетеной из лозы вазой вышла во двор. Крупные, как лампочки, груши сами отдавались в руки. Румяные мясистые бока приглашали вонзить в них зубы. Инга постояла, подняв лицо к солнцу. Неохотно вернулась в дом. На пороге зала девушка замерла: со стены на нее выжидательно-беспомощно смотрела Иванова.

Сидя за столом, Инга наблюдала, как Славик, сосредоточенно хмурясь, проверяет оружие. До тошноты она ощущала стремительное убывание времени. Губы девушки подрагивали, но Борцова не решалась заговорить.

— Распорядимся своими долями. На летальный случай, — голос Токарева звучал сухо, но каждое слово мужчины пробивало в жидком спокойствии Инги новую брешь. — С братьями ясно. Я, если что случится, тоже свои деньги Инге завещаю. Дядюшка?

Николай Николаевич дернул шляпу на глаза:

— По возрасту мне досталась такая спокойная работенка, что с ней и геморроя не заработаешь, не то что пули. Хе-хе.

— Ты мухлюешь, Дядюшка, — улыбнулся Васек.

— Да. Тебя тоже могут запросто грохнуть, — лязгнул затвором Борец.

— Не каркай. Хотя и не вижу необходимости, — тонкая улыбка быстрым ужом скользнула по губам старика. — Но раз вы настаиваете... Я всегда прилюбивал справедливость: честно разделите дядюшкины миллионы — на три части. Одну — Борцовым, вторую — Токарю, ну и... этому, Новому.

— Влад?

Аверин взял со стола ручку и лист бумаги. Заметно волнуясь, нацарапал несколько строк:

— Вот. Семенова, 46, 25, Жигулина Лада Витальевна.

Огляделся в поисках самого видного места. Наконец приколол «завещание» рядом с портретом Ивановой.

— Вы точно Ладе баксы отдадите?

— Конечно, — кивнул Борец. — Можешь умирать спокойно.

В глазах Аверина плеснулась горячая тревога, и опять Борцова почувствовала по отношению к нему что-то вроде жалости. Быстро девушка произнесла:

— Она их получит. Обещаю.

Новый, ждавший ответа от Стаса, обернулся удивленно. Минуту пристально смотрел на непонятную ему девушку.

Дядюшка хмыкнул:

— В конечном итоге все всегда достается женщинам. Охо-хо-хо. Ну, ребятки, не подведите самих себя: все должно пройти, словно на па-

раде — ножка в ножку, минутка в минутку, без камешков.

Стас пожал широкими плечами:

— Само собой. Нам не нужны пожизненные сроки и слава.

— Уж Алену точно нельзя в тюрьму. Он слишком красив для этой скотобазы. Лучше сразу... — Николай Николаевич поднес два пальца к голове. — Так что старайтесь...

— А может... бросим все? — фраза вырвалась на волю с трудом, со скрипом. Мужчины одновременно уставились на девушку. Она виновато улыбнулась и добавила: — Пока не поздно.

Новый послал Токарю настойчивый взгляд: «Я же говорил: зачем нам женщина...»

Стас подошел к девушке. Присел перед нею на корточки. Коснулся ладонями обтянутых джинсами колен:

— Ты чего? Испугалась?

— Нет. Просто... — девушка резко отвернулась, — что-то у меня на сердце неспокойно.

Ален ссутулился. И Новому вдруг показалось: если сейчас Васек поддержит сестру, троица дружно выйдет из игры. И тогда все — к чертям собачьим! Лично у него тоже есть плохое предчувствие, и связано оно с этой непредсказуемой особой.

— Успокойся, — Токарь пытался замкнуть внимание Инги на себе. — Все продумано. И мы ничего не делаем плохого. Всего лишь ловко вы-

тащим из кармана у ворья немного денег. Господам надо иногда делиться с простаками.

— Мы достаточно были бедными, — обиженно буркнул Борец. — Теперь нам тоже нужно побыть богатыми.

Инга закрыла глаза рукой:

— Да-да. Но... Может, мы как-нибудь обойдемся без Ивановой?

Скулы Токаря затвердели. Он поднялся и отошел от девушки:

— Это невозможно. Без нее не получится. Иванова — наш входной билет. Гарант, что трупов не будет. Ни с одной, ни с другой стороны! Да девчонке ничего не грозит! Поддержится два часа — и все, свободна. Оправится потом где-нибудь на Канарах. Ты ее жалеешь. А сколько тебе доставалось от этих чистеньких дамочек?!

Инга молчала, но неожиданное упрямство затвердевало на ее бледном лице. Стас, меряющий шагами комнату, резко остановился:

— Значит, так. Василий остается с Дядюшкой вместо Инги. А мы справимся и втроем.

Борцова вздрогнула. Ее, сдавшую в последний момент, выводят из игры для сильных. Вот вот перед Ингой захлопнется невидимая стальная дверь, за которой останутся братья. Сотни раз обговоренный план теряет свою музейную идеальность. Без сомнения, по ходу дела мужчинам придется вносить в него коррективы — где-то образуется опасная брешь...

— Нет! Я сделаю все как надо! Не знаю, что на меня нашло!

— Это нервы. — Дядюшка вытащил из кармана валидол. Морщась, запил таблетку водой. — Женщины! Слабые натуры.

Неожиданно для себя Новый ощутил сильное желание сказать Инге пару ободряющих фраз, искренних и живых. Но он не знал, о чем говорить с этой девушкой. На ум шел только заезженный, совершенно неподходящий к ситуации комплимент: «Ты очень красивая». Странно, Аверин разглядел привлекательность Борцовой лишь в момент, когда лицо ее смяли эмоции. Усилием воли девушка опять взяла себя в руки и снова стала холодной, неприятной, серой.

Лена Иванова проснулась рано — в 9 часов. Женщину разбудил замяукавший в своей кроватке Матвей. Имя сыну Лена придумывала долго, пристрастно «тасовала» вошедшие в бешеную моду старорусские имена, капризно отбрасывала те, что попроще. Дима остался недовольным ее выбором: «И как мне его кликать прикажешь: Мат или Мот?» Дурачок! То есть в рамках работы Митенька очень даже умный. Вот сейчас, пока директор греет старые кости в Италии, исполняет за него обязанности главного. Ничего себе! В тридцать четыре года! Молодчага! «Если так пойдет дальше...» — Лена немного побарахталась в сладких мечтах. Перевернулась на другой бок, тихонько засмеялась, щуря глаза.